

АНДРЕЙ АНТОНЕВИЧ

**АЛЛОГЕН
КНИГА ВТОРАЯ**

**СЫН
АЛЛОГЕНА**

18+

Андрей Антонеvич

**Аллоген. Книга
вторая. Сын Аллогена**

«Автор»

2017

Антоневич А. А.

Аллоген. Книга вторая. Сын Аллогена / А. А. Антоневич —
«Автор», 2017

Познав тайны бытия, главный герой первой книги становится Странником, который помог землянам на время сбросить с себя ярмо архонтов. Однако попытаться возродить погибшую человеческую цивилизацию предстоит не ему, а его сыну, который неожиданно для себя выясняет, что обладает уникальными возможностями, использование которых может внести коррективу в раскладку сил на планете. В силу сложившихся обстоятельств, он становится изгоем и обретает друга в лице весьма импозантного представителя инопланетного разума, с которым вынужден отправиться в опасное путешествие, чтобы попытаться спасти остатки человеческой расы.

© Антоневич А. А., 2017

© Автор, 2017

Андрей Антоневи́ч

Аллоген. Книга вторая. Сын Аллогена

Глава 1

I

Мама называла его – Яритэ, а все остальные жители их города звали его просто – Юрка.

Конечно, городом назвать их подземный бункер, по сравнению с теми городами, которые существовали на планете до нашествия архонтов, было трудно. На уроках истории им рассказывали об огромных поселениях, в которых люди жили до вторжения. Он и остальные ребята его возраста не верили, что люди могли так просто и беззаботно жить, но когда из очередного рейда Никита Сергеевич привез несколько ящиков с различными книгами, они убедились, что это правда. Чуть позже разведчики привезли несколько телевизоров с накопителями информации и на уроки в школу стали приходить взрослые. Они смотрели довоенные видеозаписи и улыбались восхищенным возгласам детей, когда на проекции экрана возникали огромные небоскребы и шикарные автомобили.

В этих фильмах не было ни кровожадных акремонцев, ни злобных архонтов, про которых рассказывали разведчики, возвращаясь из рейдов...

Переводить фильмы с одного языка на другой не требовалось – в многонациональном городе говорили на многих языках, когда-то существовавших народов, но преобладал русский язык, потому что славян все-таки было большинство. Если между взрослыми разных национальностей еще некоторое время просматривался определенный языковой барьер, то дети нового поколения прекрасно понимали друг друга, используя универсальный язык, основой которого являлась кириллица, впитавшая в себя отдельные слова и фразы из других языков.

В свои двадцать лет о себе он знал не много. Мать звали Йоко, поэтому фамилия у него была Икин, а по отчеству он – Максимович. Про отца он знал, что тот погиб во время восстания, когда акремонцы пошли против архонтов и уничтожили их корабли-матки. Мама ему всегда говорила, что он не обычный, потому что в его жилах течет кровь ее народа, погибшего рук архонтов, а отец его был особенным, но что она имела в виду он так и не узнал...

Она, вместе с его сводным младшим братом, которого она родила спустя два года после рождения Юрки, погибла после массовой атаки акремонцев на город, когда ему было пять лет. В тот день, лицеклювые, бродившие до этого небольшими разобщенными группами по тайге, объединились в один большой отряд и совершили набег.

Из двух тысяч людей в живых осталось только чуть больше половины...

Погибли в основном дети и слепые. Из бывших узников, бежавших из лагеря архонтов, располагавшегося до этого недалеко от Патомского нагорья, ослепли те, кто вместо того что бы смотреть себе под ноги, рассматривал сияние всполохи в небе, появившиеся после взрыва одного из кораблей-маток архонтов.

Поначалу ослепшие люди были обузой. Однако после первого урожая капусты, пшеницы, гречки и картофеля, который собрали с плантаций разбитых возле города после лютной зимы, длившейся всего лишь несколько недель, их стали задействовать для заготовки продовольствия.

Работы им хватало... Холода больше не возвращались, и поэтому урожай собирали два раза в год.

Похоронить после боя удалось не многих...

Человеческие тела являлись для акремонцев одним из основных источником пищи. Два дня они вытаскивали из бункера людей, которые не смогли от них скрыться и уводили в сторону своего лагеря – бывшего места содержания людей, основавших город. Так продолжалось до тех пор, пока бойцы из числа самых крепких мужчин их не контратаковали, уничтожив

в результате значительную часть отряда акремонцев. Трупы погибших врагов жгли в кострах возле города на протяжении пяти суток. Благо бензина тогда еще было в достатке.

Черный смрадный дым от костров, стелился над лесом плотной завесой на многие километры вокруг несколько суток подряд.

После этого столкновения установилось относительное спокойствие. Дабы избежать подобных инцидентов в дальнейшем, на Совете было принято решение раз в полгода отводить несколько десятков оленей, коз и овец, которых успешно разводили скотоводы, в лагерь акремонцев. Больше крупных сражений, не считая постоянных небольших стычек на границе территорий между людьми и акремонцами, не было. Добровольцы, отводившие животных на нейтральную территорию, не вернулись только однажды – после того как волки загрызли половину стада еще на подходе к лагерю лицеклювых. Скорее всего, людей захватили взамен недостающего количества животных.

Тем, что в тот день, когда погибла его мать и брат, Юрка остался жив, он был обязан Никите Сергеевичу.

В момент атаки Юра с несколькими десятками детей находился на складе продовольствия, где они перебирали проросший картофель. Когда началась паника, Никита Сергеевич схватил Юрку своей единственной рукой и так бежал с ним в полной темноте по переходам бункера до резервного выхода, где, согласно заранее разработанного плана на случай внештатной ситуации, собрались спасшиеся жители. С тех пор Юрка хвостом ходил за Никитой Сергеевичем и считался его любимчиком.

Впрочем, жизнью Никите Сергеевичу были обязаны все жители их города...

Именно он собрал выживших беглецов, бродивших в окрестностях бункера, после того как акремонцы подняли восстание и привел их сюда. Накормил, обогрел и раздал оружие, которое верой и правдой служило им до сих пор.

Из его рассказов Юра знал, что тот до восстания акремонцев сражался в отряде сопротивления, базировавшегося в этом бункере до того момента, пока их не уничтожили акремонцы и люди – шпионы архонтов. Из всего отряда чудом выжил только он, отделавшись лишь потерей левой руки. Его брат близнец, спасая жизнь Никите Сергеевичу, тоже погиб в том бою. И именно Никита Сергеевич привел в бункер вездеход, на котором осуществлялись первые вылазки людей в разведку.

Спустя несколько лет в автопарке города появилось с десятков танков на воздушной подушке и несколько импульсных противовоздушных пушек.

Так как запасных блоков с водородным топливом для танков было мало, их вкопали по периметру территории на подступах к городу. Импульсные пушки установили на склонах горы, в которой располагался бункер, но пользовались ими только однажды, когда истребитель архонтов слишком близко приблизился к их поселению.

До этого они прилетали, но находились на почтительном расстоянии. Каждый раз, зависая над лесом, корабль транслировал в течение получаса гимн, который, бывшие узники городов-поселений архонтов, пели в «Доме радости» по выходным. Жители города, находившиеся снаружи бункера, каждый раз, как только раздавались заунывные циклические звуки, впадали в транс и стояли, как вкопанные, беззвучно шевеля губами...

Если бы не Никита Сергеевич, никак не реагирующий на эти звуки, который в это время бегал и хлопал по щекам, застывших людей, то неизвестно еще чем бы это закончилось.

Видимо, бывшие хозяева не хотели так просто отпускать своих рабов...

В тот раз, получив несколько снарядов, черный корабль, неуверенно ныряя, ретировался восвояси. С тех пор корабли архонтов лишь изредка проносились высоко в небе над городом, а последние два года их вообще не видели.

По рассказам Никиты Сергеевича, раньше во время нашествия, сбить их было невозможно, потому что они генерировали защитное поле. Однако, после того как акремонцы уничтожили корабли-матки, защитное поле на технике архонтов исчезло и они стали уязвимыми.

В своих историях, которые большинство жителей их города считали сказками, Никита Сергеевич часто упоминал таинственного человека, которого у них в отряде сопротивленцев называли «Фокусником». Однажды этот человек чем-то воздействовал на корабли-истребители, преследовавшие их отряд, и те разбились в неуправляемом полете о землю. По его мнению, именно этот человек как-то повлиял на развитие событий, в результате которых акремонцы начали восстание. Видел Никита Сергеевич «Фокусника» всего лишь один раз – в день, когда их отряд уничтожили... Тогда «Фокусник» с каким-то мужчиной, имя которого Никита Сергеевич, как ни старался вспомнить не смог, собирался взять их вездеход, что бы добраться до какого-то очень таинственного места и, по-видимому, это ему удалось.

Добился он своей цели или нет было неизвестно, но через несколько часов, после того как, истекающий кровью, Никита Сергеевич спасся из атакованного бункера, началась битва в небе между акремонцами и архонтами.

Именно этот вездеход Никита Сергеевич потом и пригнал обратно в город...

II

Поначалу население города жило скучено, так как помещений пригодных под жилые комнаты в бункере было мало. После отражения атаки акремонцев, отобранное в бою трофейное оружие, приспособили под собственные нужды.

Предмет в виде черного полумесяца удобно ложился в человеческую ладонь и при надавливании на небольшую выемку посередине, он с обоих концов излучал направленный поток ультразвука, который с легкостью разрезал пополам, как человеческое, так и вражеское тело на расстоянии до двадцати метров. За свою форму оружие получило название «серп» и стало использоваться для отвоевывания нового жизненного пространства у скалы.

С расстояния в два метра серп с легкостью вырезал из горной породы массивные куски камня. В течение трех месяцев непрерывной работы, город внутри скалы разросся на несколько километров. Из высвободившейся горной породы соорудили сторожевые посты, обозначив тем самым территорию между землями города и владениями акремонцев.

Однако плата за добытые блага была высока...

Все триста мужчин из бурильной бригады, после окончания основных работ утратили слух, а затем в течение двух месяцев умерли в страшных мучениях. Как впоследствии выяснилось, в результате различных экспериментов, легкий свист, сопровождавший серп, при его применении в закрытом пространстве разрушал не только барабанные перепонки, но и другие человеческие органы.

Были неоднократные попытки разобраться в устройстве серпов и как-то их отрегулировать, но после того, как один из грамотеев, устроил взрыв – эти эксперименты прекратили.

Эти грамотеем был Гленн – американец с польскими корнями...

Первоначально он претендовал на роль одного из лидеров Совета. Так как, с его слов, до вторжения он являлся ведущим военным аналитиком своей страны, но когда выяснилось, что каждый раз возвращаясь из дозора, Гленн приходил в засканных от страха штанах, его решили задействовать только на сельскохозяйственные работы, сэкономив тем самым запасы обмундирования, хранившегося в бункере с оружием. Ведь испоганенные штаны Гленн не стирал, а прятал в укромных уголках и, втихую, брал со склада новые.

На сельхозработах он тоже себя проявил...

Вместо того, что бы заниматься делом, Гленн только ходил и покрикивал на слепых, к которым был приставлен, что бы оказывать им помощь. После того, как один из слепых китайцев не выдержал его оскорблений и одним четким ударом выбил ему несколько зубов, Гленн

был переведен в уборщики. В его обязанности входило следить за наполняемостью пустых бочек от бензина, приспособленных в качестве резервуаров в отхожих местах внутри бункера.

Однако и с этой работой он справлялся отвратительно...

Вывозя из бункера наружу тележки с испражнениями, использовавшимися в дальнейшем в качестве удобрений на полях, Гленн умудрялся расплескивать их содержимое на всем своем пути по ходу движения. Закончилось тем, что Гленн однажды упал в бочку с фекалиями и если бы не Камила, зашедшая в это время по нужде, то...

С тех пор его величали просто – дурень...

От греха подальше Гленна отправили в помощь скотоводам. После случая со старым самцом оленя, который поднял дурня на рога из-за того, что тот ничего лучше не придумал, как, от нечего делать, тыкать рогачу веточкой в глаза, ему определили простейшую работу – носить с козьего пастбища молоко.

Но и на этом поприще Гленн опростоволосился...

Когда выяснилось, что молока, предназначавшегося детям, до пищеблока систематически стало доходить в два раза меньше, скотоводы за ним проследили. В итоге, поймали Гленна за руку, когда тот преспокойно сидел в кустах и отпивал по несколько глотков из армейских котелков, приспособленных для переноски и так скудных надоев.

Кара наступила тут же...

Лишившись последних зубов, Гленн приобрел право ничего целыми днями не делать. Он шлялся по коридорам города и давал всем дельные советы, как нужно делать ту или иную работу.

В последний раз Гленн дал совет в мастерской...

На то, что он что-то шамкал беззубым ртом, давно уже никто не обращал внимания. Техники в это время занимались починкой вышедшего из строя генератора. Последними словами Гленна были: «Я разобрался». Дурень приставил два серпа рожками друг к другу и активировал оружие.

Результат не заставил себя ждать....

Организм Гленна в буквальном смысле слова «разобрался» на отдельные составляющие. Благо, мужчины в это время находились в другом углу мастерской и никто не пострадал.

С тех пор его имя стало нарицательным и если, кто-то допускал какие-то промахи в работе, его в шутку обзывали Гленном.

III

Гленн был исключением. Все остальные представители его нации, проживавшие в бункере, были прекрасными людьми. А в темнокожем Даistine вообще души не чаяли все без исключения жители города от мала до велика. Высокорослый и худощавый Дастин, был мастером на все руки и с его лица никогда не сходила приветливая улыбка, глядя на которую при встрече невольно хотелось улыбаться самому. Лишь изредка его лицо омрачало печаль – когда он вспоминал своих, погибших во время нападения акремонцев, двоих сыновей и тогда, когда его вторая половина – Камила, выпив самогонки, кричала матерными словами.

Камила была из какого-то Африканского племени. Приняв на грудь, она обожала распевать национальные песни своего народа, которые, почему-то, разбавляла русскими матерными словами. Она искренне считала, что чем громче петь, тем красивее песня.

Дастин рассказывал, что когда они еще жили в одном бараке у архонтов, Камилу часто наказывали акремонцы, используя нейростимуляторные браслеты, потому что та слишком громко кричала гимн в «Доме радости».

Казалось, что спокойный и скромный Дастин не пара маленькой и плотно сбитой хохотушке Камиле, но души они друг в друге не чаяли. Раз в два года Камила рожала девочек, поэтому Дастин так и грустил, вспоминая своих погибших сыновей.

Женщин в городе было намного больше, чем мужчин, хотя мальчиков и девочек рождалось одинаково. Однако много мальчишек умирало еще в младенчестве, из-за многочисленных болезней, периодически гулявших по городу. Из медикаментов в городе были только запасы, в основном, устаревших антибиотиков, иммуностимуляторов и перевязочных материалов.

В связи с нехваткой сильной половины, Юрка стал мужчиной в четырнадцать лет...

Его к себе в комнату завлекла латиноамериканка Джессика, которая когда-то в лагере архонтов, жила в одном бараке с его мамой. В ту, одну единственную зиму, наступившую после восстания акремонцев, Джессика серьезно простудилась. С тех пор не могла иметь детей, поэтому свою навязчивую любовь она дарила мужской половине бункера налево и направо. Со временем взрослые мужчины бункера перестали ей интересоваться, и она перешла на более молодое поколение. Как ни пытался Юрка сопротивляться умелым ласкам Джессики, природа все-таки взяла свое...

Получив свой первый сексуальный опыт, Юрка начал во всю практиковать со своими ровесницами. То, что девочки рожали в четырнадцать – пятнадцать лет, было нормальным явлением и каким-то преступлением, как когда то до нашествия, не считалось. Пар в городе, постоянно проживавших вместе, было немного и иметь разных половых партнеров зазорным не считалось.

Образ жизни, навязанный архонтами, людям нравился, и менять его на семейные ценности им особо не хотелось...

Поэтому жители города, в своем большинстве, жили как большая семья. Где был, чей отпрыск известно не было и только со временем, когда ребенок подрастал, определяли условное отцовство по схожести с кем-либо из мужчин, при условии, что он еще был жив. Детей похожих на Юрку, пока что не рождалось, хотя недостатка внимания со стороны прекрасной половины человечества он не ощущал.

Высокий и широкоплечий брюнет, со слегка просматривающимися азиатскими чертами на славянском лице, с ясными лучистыми темно-синими глазами, пользовался определенным успехом среди женщин. Он выделялся среди одноклассников своим обаятельным взглядом, скромной улыбкой и манерой разговора, выражавшейся в уважительном отношении к собеседнику. Даже невзрачное форменное обмундирование, давно уже не существовавшей страны, в котором ходили почти все жители города, смотрелось на нем элегантно и ладно.

IV

Всех мальчиков и девочек с детства готовили быть воинами.

С шестнадцати лет парни были обязаны заступать на патрулирование границ города наравне со взрослыми мужчинами. Поэтому науке единоборств, стрельбе из земного оружия и серпов уделяли больше времени, чем грамоте и арифметике.

Историю человечества изучали на мониторах компьютеров по фильмам, хранившимся в памяти устройств. Однако набор фильмов, из которых можно было бы подчерпнуть хоть какую-то полезную информацию, был ограничен, так как добыта техника была в здании администрации небольшого поселка, который чудом остался не разрушен при вторжении. Как в последствие выяснилось, большинство фильмов в памяти накопителей информации были порнографией и могли только использоваться, как наглядное пособие на уроках анатомии.

Юре этот предмет был интересен. Особенно – на вскрытии тел мертвых акремонцев, захваченных после стычек на границах территорий. Разбирая вонючие внутренности синих трупов, Юра пытался понять, каким образом в них держалась жизнь и какой из внутренних органов у них самый важный.

Заметив его тягу к медицине, Советом города было определено, отдать Юрку в ученики главному врачу города – Вазгену Ашотовичу.

В случае необходимости, оказать первую медицинскую помощь мог каждый, так как этому учили наравне с боевой подготовкой, но квалифицированное медицинское образование

имел только он. Вазген Ашотович являлся единственным человеком в городе, который мог прооперировать раненного человека без наступления летального исхода. На учебу к Вазгену Ашотовичу направляли многих детей, но в течение нескольких дней они выбраковывались из учеников, получая от него на прощание емкое определение их умственных способностей.

– Имбицил, – выносил вердикт Вазген и уходил снимать стресс...

На роль ведущего врача, еще до массивной атаки акремонцев на бункер, претендовал иранец Фируз, со слов которого он был ведущим специалистом в области медицины в своей стране, а точнее в иранской части бывшей Бельгии. Однако на первых родах Фируз опросто-волосился... Заглянув в лоно роженицы, он потерял сознание. С того времени Фируз оказывал медицинскую помощь только пострадавшим домашним животным.

Юрка и его сверстник Давид прилежно помогали Вазгену Ашотовичу, перенимая с этим его опыт. Они были и на перевязках, и на операциях, и на родах. И если Юрка тяготел к оперативному лечению, то Давид проявлял способности в области фармакологии, используя для опытов небогатый набор медицинских препаратов из заглазников бункера. В бункере была законсервированная лаборатория, которая стала полигоном для создания Давидом различных вариаций лекарств из подручных материалов. Сам Вазген Ашотович был очень брезглив и считал «храмом», достойным его внимания, только человеческий организм. Поэтому в любимчиках у него был Давид, который всегда был в идеально чистом халате, в отличие от Юрки, с халата которого акремонская внутривенная жидкость не выстирывалась.

До них, у Вазгена были два ученика подававших большие надежды, но они погибли в разное время в стычках с акремонцами во время планового патрулирования границ.

С тех пор специалистов в области медицины отправляли в дозор лишь в случае крайней необходимости.

V

С пятнадцати лет Юрка стал замечать за собой странные особенности...

Во сне он стал видеть причудливых созданий и слышать чей-то голос, который ему о чем-то рассказывал, но что именно Юрка, каждый раз, просыпаясь, вспомнить не мог. Видения посещали его изредка, поэтому он не обращал на это особого внимания.

В день своего шестнадцатилетия, он проходил возле вещевого склада и случайно заглянул в щелку слегка приоткрытой двери...

Слепой и безногий Жан, заведовавший выдачей и стиркой белья, кружился с закрытыми глазами по комнате склада, ловко переставляя обрубки ног.

Жан был сорокалетним потомственным французом с приятными чертами лица, семья которого эмигрировала с территории бывшей Франции в Россию в середине последнего века старой истории человечества. Он происходил из семьи потомственных виноделов, в которой секреты изготовления благородных напитков передавались из поколения в поколение. Именно поэтому Жан в городе был еще и официально ответственным лицом, отвечавшим за изготовление спиртных напитков.

Зрение он потерял, как и многие другие, при бегстве из лагеря архонтов, любясь всполохами в небе, а ноги чуть ниже колен ему отсекло серпом во время атаки акремонцев на бункер. Именно искусство виноделия было тем фактором, повлиявшим на очередность оказания Вазгеном Ашотовичем, большим ценителем вина, медицинской помощи Жану, что и спасло ему жизнь.

Калека кружился по комнате и что-то напевал...

Внезапно с Юркой что-то случилось и он испытал чувство падения с высоты, которое испытывал не раз в своих странных снах...

Он увидел глазами Жана, что он высокий и стройный юноша... Он кружится в танце с прекрасной девушкой по имени Женевьева... Его руки лежат у нее на талии, а ее у него на плечах... Ее черные, как смоль, волосы слегка щекочут ему ноздри и это его радует и волнует...

Вокруг них стоит много людей, которые восхищенно смотрят на них и одобрительно кивают головами... Прекрасная переливчатая мелодия аккордеона кружит их в объятиях, и они... наслаждаются друг другом... Они великолепны и у них будет прекрасное будущее, не смотря на жизнь на чужбине вдали от родины... Внезапно Женестьева исчезает в черной вспышке оружия архонтов и у Жана в груди остается одна пустота... Слезы льются у него из глаз от горечи невозможной утраты... Теперь он просто слепой обрубок человека, которому посчастливилось выжить...

Видение оборвалось, и Юрка пришел в себя...

Жан стоял посреди кладовой. По его, изрезанному морщинами, лицу крупными виноградинами скатывались слезы.

– Кто здесь? – спросил Жан и, не дождавшись ответа, поковылял на кульнях к двери.

Юрку как ветром сдуло. Стараясь не стучать подошвами армейских ботинок, он неслся по коридору в сторону центрального зала бункера. Вбежав в центральный зал, он пулей пролетел мимо своих товарищей, ждавших его, что бы подарить праздничный пирог и выбежал по центральному ходу на поверхность, где долго стоял и жадно вдыхал знойный вечерний воздух...

Его испугало не то, что он мог видеть чужие мысли, а то, что чувствовал при этом эмоции этих мыслей... и их сопереживал.

Немного успокоившись, Юрка вернулся обратно в зал и принял поздравления от своих друзей в честь дня рождения.

Как следует, подумав, Юра, благоразумно решил об этом инциденте ни кому не рассказывать, тем более подобного с ним больше не приключалось. Только слепой Жан иногда как-то подозрительно на него поглядывал своими, затянутыми мутной белесой пеленой, глазами...

Глава 2

I

Погода была такая ненастная, что, как говорил, обожаемый всеми детьми, учитель истории дед Миша – пятидесятилетний белорус, один из немногих оставшихся в живых, после побега из лагеря архонтов: «В такую погоду, даже акремонца на улицу не выгонишь».

Дождь лился нескончаемым потоком уже третий день, что в принципе было понятно, так как стояла зима, но столько жидкости обычно выпадало с неба за весь месячный зимний период. Влажность стояла такая, что камуфляж Юры намок еще до того, как они с напарниками добрались до сторожевого поста на границе территорий.

Юрка злился сам на себя...

Он должен был идти в наряд только через месяц, так как он и Давид, будучи медицинскими специалистами, дежурили на сторожевых постах раз в три месяца, но за последнюю неделю вылазки акремонцев активизировались и участились их нападения на посты наблюдения. Именно вчера в бою было ранено несколько разведчиков, из-за чего патрули были усилены в два раза. Соответственно очередь дежурств сдвинулась и в дозор должен был идти Давид, который, сославшись на срочные дела, попросил Юрку его заменить.

Юра знал, что его срочные дела зовут Мелисой. Шестнадцатилетняя смазливая китайка дарила свою любовь всем мужчинам без разбора, но Давид испытывал к ней определенные чувства и взял над ней опеку, пытаясь вылечить от алкоголизма, к которому ее приспособила Камила.

Та, часто ее угощала, но, в отличие от крепкой здоровьем негритянки, Мелиса была хudoсочной и от маленькой дозы самогона, изготовленного той же Камиллой, сразу падала под стол, что очень забавляло ее собутыльницу.

По своей доброте душевной, из-за которой он неоднократно страдал, Юра согласился на замену, однако об этом очень сильно пожалел, когда пришел в оружейную комнату за автома-

том... На сторожевую вышку он шел в ночную смену со старым военным ветераном по имени Альбо и своим погодкой – Димой Гошкевичем.

В отличие, от опытного и молчаливого Альбо, который всегда думал, прежде чем, что-то сказать или сделать, Дима был до безобразия болтлив. И все бы ничего, но у него была одна плохая особенность – любил приврать. Самое страшное было то, что все его истории были выдуманы. При беседе с кем-либо, то ли с ребенком, то ли с одногодкой или с пожилым человеком, у него всегда были какие-то истории из жизни, которые он считал нужным рассказать. При этом каждый раз при рассказе одной и той же истории в течение дня, она интерпретировалась несколько раз и могла менять не только события, но и персонажей. Даже, просто проходя мимо, Дима мог остановиться и встрять в разговор, начиная рассказ со слов: «А вот был случай», – или: «А я вот помню».

Все его фантастические рассказы всегда сводились к одному, – «Ай, да я и молодец».

В шестнадцать лет, по его же просьбе, Диму записали в охотники. Специальные отряды выходили в лес на охоту, чтобы использовать в пищу мясо диких животных, а не пускать под нож домашнюю скотину. Загонщики выстрелами из автоматов направляли дичь в нужном направлении, к засадам, в которых находились стрелки.

Было непонятно, почему подслеповатый Дима, видевший хорошо не дальше метра, попросился в охотники... Единственным его плюсом в данной профессии, был невысокий рост, благодаря которому он идеально сливался с кустарниками и пеньками.

На охоте он ни разу, не убил ни одного животного.

Отговорки у него были всегда одни и те же... Он бежал и споткнулся, поэтому луч серпа ушел выше или ниже, или же споткнулось животное, и опять луч ушел в сторону. Если во время охоты он и успевал активировать луч, то убивал всегда или дерево, или куст.

Между собой, в шутку, а может быть, и нет, охотники рассказывали историю о меткости Димы...

Как-то однажды тот стоял в засаде и на него вышел лось. Гошкевич смотрел мимо него вдаль, а лось смотрел на Диму. В итоге сохотому надоело ждать, когда его разрубят пополам серпом, и он плюнул Гошкевичу в лицо, направившись дальше в лес по своим делам. А Дима так и не понял, что произошло, решив для себя, что птицы стали слишком много гадить...

Так это было или не так – не известно, однако когда заметили, что загоняемые звери идут на запах только в сторону Димы, его перевели в загонщики. Кажется, ничего проще нет – иди и постреливай в воздух из автомата. Но в первую же загонку Дима потерялся в лесу и чуть не вышел к акремонцам. Теперь он участвовал только в разделке туш, но истории о том, какой он великий охотник рассказывать не перестал.

Когда Гошкевич возвращался из дозора, то его истории были всегда про то, как на них напал огромный отряд акремонцев и если бы не он, то уже бы весь город был пережеван клювами акремонцев и лишь благодаря его смекалке, отваге и находчивости этого удалось избежать. Или о том, как он, будучи ростом в полтора метра, справился в рукопашную с десятью лицекловыми одновременно.

А истории про то, какой он герой-любовник, слушать без усмешки было вообще невозможно. С его слов, от его красоты и харизмы все красивые девушки города сходили с ума и ложились под него штабелями. А однажды на него напала акремонка и попыталась его изнасиловать, но он ее убил.

Однако сверстники знали, что его единственный сексуальный опыт был с Джессикой, которой было без разницы с кем это делать, но даже она, последнее время, больше его не привлекала.

Кто-то Диму игнорировал, кто-то старался избегать, а кто-то просто стоял и слушал, потому что опровергать его истории было бесполезно. Когда Диму уличали во лжи – тот уверенно пучеглазил глаза и, заплевывая слюной все на свете, доказывал правдивость своей исто-

рии, все больше и больше придумывая враки. Даже когда его ставили перед неопровержимыми доказательствами, тот нисколько не смущался и начинал новую историю.

Дед Миша про него говорил: «Ему хоть сцы в глаза – все божья роса».

Штудирюя пособие по психиатрии, Юра нашел название его болезни – «паталогический лжец», однако об этом никому не распространялся, потому что и так все подозревали, что у Димы в голове «немного не в порядке».

Вот и теперь, двигаясь в темноте под проливным дождем, Дима, презирая основной закон разведчиков, нарушал тишину, повествуя историю о том, как он в прошлом дозоре повстречался с существом, о котором рассказывал ветеран разведки Лао...

II

Четыре года назад группа разведчиков из десяти человек, в обход территории акремонцев, пошла на танке в сторону юго-запада. Целью похода было найти выживших людей.

С момента вторжения архонтов, все современные человеческие средства коммуникации не функционировали, и выяснить, есть ли еще очаги человеческой цивилизации было невозможно. Единственными источниками связи были проводные аппараты внутри бункера и коммуникаторы связи в танках, которые могли принимать сигнал без спутника на расстоянии только до трех тысяч километров. Периодически, с того момента, как в город пригнали несколько танков, их использовали для прощупывания радиопространства в поисках источников каких-либо сигналов, но каждый раз, им в ответ была только тишина. В целях экономии водородного топлива, было решено эти попытки прекратить.

В тот день проводили учения новобранцев, набранных из числа первого поколения детей, родившихся в бункере. Специально для наработки практики у молодежи и была откопана боевая машина с одного из постов. Юрка, будучи определенным к медицинскому делу, с завистью наблюдал, как его сверстники учатся управлять огромной машиной, которая с легкостью передвигалась, как по суше, так и по воде.

Особенно обидно Юре было то, что лучшим учеником в группе новобранцев была Шарлин – одна из самых красивых девушек города, к которой он частенько ходил по ночам. Однако с момента определения ее в ряды разведчиков, Шарлин стала пренебрежительно относиться к Юре, ссылаясь на то, что она не может себе позволить иметь отношения с гражданским.

Именно в тот день коммуникатор связи в танке ожил и они узнали, что кроме них, есть выжившие люди...

Изображения не было, но отлично шел звуковой сигнал, который им поведал, что с ними говорит старший инженер связи по имени Аскольд. Он сообщил, что около пятидесяти тысяч человек находятся в одном из городов-поселений, освобожденных от архонтов и акремонцев. Город называется Озерск и располагается в районе озера Байкал. Он сконцентрировал в себе выживших беженцев с окрестных лагерей. Он же сообщил, что главным у них является человек по имени Амбросий, который владеет технологиями архонтов, и они используют их технику по своему усмотрению, однако летательных аппаратов у них нет, и добраться по воздуху до других источников человеческой цивилизации они не могут, а передвигаться наземным транспортом очень опасно...

Где еще остались очаги человеческой цивилизации и почему передвигаться по земле опасно, выяснить так и не удалось. Именно в этот момент, водородный элемент танка исчерпал свой ресурс. Пока принесли новый и установили его в блок питания, прошло около пятнадцати минут. К сожалению, как коммуникатор не настраивали, на связь Аскольд больше не выходил...

Несколько дней было потрачено на проработку маршрута по старым виртуальным картам, имевшихся в наличии в активах города. Специалисты из числа Совета просчитали, что топлива на складах бункера, обеспечивающего работу генераторов, питавших все системы жизнеобеспечения, осталось на несколько лет. Также учли и то, что из-за активного прироста

населения за счет новорожденных, ресурсы могут закончиться и намного раньше. Если станут генераторы, то системы воздухоснабжения и водообеспечения бункера перестанут функционировать. Тогда придется большей части города селиться на поверхности, а это, учитывая соседство с лицеклювыми, весьма небезопасно. Поэтому за отправку экспедиции положительно высказались все члены Совета города.

Айдамир Рашидович – командир разведывательного батальона, коривший себя за то, что в целях экономии во время учений, использовал почти разряженный элемент, вызвался возглавить отряд, снаряженный на поиски Озерска.

Отправился отряд утром на рассвете, на том же танке, через коммуникатор которого вышли на связь с Озерском. В том отряде был и единственный новобранец – Шарлин, которая, как оказалось, управляла танком намного виртуозней, чем некоторые опытные ветераны разведки.

Конечно, всем было понятно, что ее взяли еще и потому, что ей симпатизировал Айдамир Рашидович.

Вместимость танка была двенадцать человек, но пошло только десять. На свободном пространстве разместили запасы питания и дополнительное вооружение, состоявшее из двух гранатометов и нескольких десятков, особо ценных, свето-шумовых гранат.

Ценность этих гранат заключалось в том, что при взрыве, акремонцы на несколько секунд впадали в ступор, а потом в их рядах начиналась паника и они беспорядочно разбежались, испуганно чирикавая, как дикие воробы.

К сожалению этих припасов, в бункере, в отличие от патронов к автоматам и пистолетам, было мало – всего лишь несколько цинков.

Утро было прекрасное...

В бирюзовом небе ярко светило солнышко и во всю жизнерадостно щебетали птицы, словно предвещая, начало сытой и безопасной жизни...

Связь с отрядом пропала через сутки. Последним сообщением из коммуникатора, стал отчет о том, что они без происшествий прошли уже тысячу километров и приближаются к небольшой речушке. Спустя два часа в условленное время отряд не вышел на связь. Бесплодными были и все остальные попытки установить контакт с разведчиками. Через неделю надежда на то, что отряд выйдет на связь, окончательно угасла.

Только спустя месяц к одному из сторожевых постов вышел весь израненный, с одним лишь серпом в руках, изможденный и полностью поседевший Лао.

Проспав около двух суток беспробудным сном, Лао рассказал о судьбе, постигшей отряд...

Все шло по плану. Небольшие группы акремонцев, встречавшиеся им по пути, не рисковали приближаться к танку, и они уверенно шли, сминая под себя преграды из бурелома и деревьев, которые было невозможно обойти. Рельсовую пушку использовали только однажды, когда на их пути возник завал из огромных камней. Разметав в сторону преграду всего лишь с двух выстрелов, они пошли без остановок дальше, питаясь сухим пайком и справляя естественные надобности в специальном отсеке танка, предусмотренном для длительных переходов. Используя воздушную подушку, они без труда прошли через неширокую речушку, о которой сообщалось на последнем сеансе связи.

Затем началась неприятности...

Видимость была прекрасная. Двигались, используя только наружные камеры трансляции панорамы, которые давали отличный обзор местности на триста шестьдесят градусов вокруг. Смутные тени, проносившиеся рядом, заметили не сразу, а когда заметили, было уже поздно...

Поначалу решили, что это лицеклювые, но когда активировали тепловизор, то не обнаружили характерного для них излучения. Только в инфракрасном спектре успели заметить странное создание с человеческими чертами и с невероятно длинными руками.

Айдамир Рашидович приказал снизить скорость и быть готовыми использовать активную броневую защиту, которая при активации выбрасывала ступок раскаленной плазмы и сжигала все живое в радиусе пяти метров вокруг себя.

Поначалу они слышали только глухие стуки о броню и видели лишь быстро двигавшиеся тени, которые шли параллельным курсом на скорости пятьдесят километров в час.

Как это создание оказалось внутри, наглухо задраенного и изолированного от внешней среды, танка, понять никто не успел...

Единственное, что успели почувствовать члены команды – это леденящий ужас по всему телу и болезненное покалывание в затылке...

Материализовавшись прямо из воздуха в салоне бронемашины, невероятно худое создание с серой кожей и непропорционально вытянутой головой, едва заметным движением руки, сняло прекрасную голову Шарлин с ее плеч... У нее изо рта с кровавым бульканьем еще вырывался крик, а без головы остался уже второй член экипажа.

Тело Шарлин завалилось на бок, и танк пошел в неуправляемом зигзаге...

В этот момент не растерялся только Айдамир... Откинув фиксаторы кресла, он вскочил, выхватил нож и коротким резким ударом отсек созданию голову, которая откатилась под ноги к Лао.

За доли секунды, тот рассмотрел, что голова чудовища похожа на человеческую, но тройной ряд тонких, как иглы, клыков, четыре щели вместо носа, острые уши и желтые кошачьи глаза, выдавали создание не земного происхождения.

Дальше началось кровавое месиво...

В салоне оказалось еще трое созданий, которые, в миг, изорвали в клочья еще шестерых бойцов. В живых оставались только Лао и Айдамир Рашидович.

Одно из чудовищ, с легкостью перекусив фиксаторный рычаг кресла, вцепилось зубами в правую подмышечную впадину Лао... Он почувствовал, как его кровь с невероятной быстротой уходит из тела...

То, что он был левша, и спасло ему жизнь...

Будучи заблокированным в кресле в полулежащем состоянии, он не смог дотянуться до серпа, висящего у него на поясе. Тогда он левой рукой выхватил длинную декоративную шпильку из волос мертвой головы Шарлин и воткнул созданию в ухо...

Заколка, изготовленная из рога оленя, вошла, как нож в яблочный пирог и, не встретив какого-либо препятствия, с хлопаньем вышла с другой стороны головы.

Создание издало низкий свист, неприятно резанувший по барабанным перепонкам, и, закрутившись на месте, упало, сотрясаясь в конвульсиях, в ногах у Лао.

В это время, оставшиеся две серые твари, как пиявки, присосались с двух сторон к Айдамиру...

Умирая, он ногой дотянулся до консоли управления и активировал функцию экстренной эвакуации...

В тот же миг кресло Лао закрылось прозрачным защитным латексным кожухом и его выбросило из салона на несколько десятков метров позади танка. Еще несколько секунд его по инерции несло, как мяч, от одного дерева к другому, а потом раздался взрыв, придавший ему еще большее ускорение.

Освободившись от плотных объятий кожуха, Лао наблюдал зарево огромного пожара в том месте, где еще несколько минут назад находился танк...

Айдамир ухитрился запустить процесс самоуничтожения, тем самым дав возможность Лао спастись.

Потом был многодневный переход по тайге...

Эту историю Юра слышал из уст первоисточника, потому что был приставлен к Лао, наблюдать за его самочувствием. Он присутствовал на совещании Совета, где это все рассказал

единственный выживший очевидец. Во время этого повествования Юра, так живо представлял себе картину произошедшего, словно он тоже там присутствовал и даже почувствовал ледяное покалывание в затылке, когда Лао дошел до момента появления чудовищ в салоне танка.

Теперь стали понятны слова представителя Озерска о том, что передвигаться по земле очень опасно. Осталось только не понятным, почему чудовища, обитавшие за рекой, не приходят на их территории.

Выяснять этот вопрос никто не собирался, и на Совете было решено, что Озерск, скорее всего, уничтожен кровососами, так как его представители в любом бы случае вышли с ними на связь. Тогда было принято решение – вылазки в сторону реки, за которой погиб отряд Айдамира, прекратить.

Не верить рассказу Лао оснований не было. Тем более все сомнения отпали, когда члены Совета воочию увидели раны на его подмышке... Сотни тоненьких отверстий в его теле, ни как не хотели заживать и постоянно гноились. Просроченные антибиотики, хранившиеся на складе, были бессильны против инопланетных бацилл. Скорее всего Лао бы умер, но Давиду, тщательно изучавшему в лаборатории нагноения с его ран, удалось синтезировать новый вид препарата, который в течение недели поставил того на ноги.

Единственным побочным эффектом препарата явилось то, что он почти убил печень Лао и тот, будучи сам по себе, с легким желтым оттенком кожи, превратился в человека цвета осеннего листа.

III

– Стою я на вышке ночью, – разглагольствовал Дима: – и чувствую, как ледяной мороз пробирается по коже... Смотрю я в лес, а там вдалеке какие-то тени мельтешат. Я, конечно, не растерялся, а вот Генрих, хоть он и старый воин, а в штаны наложил.

– Не мог Генрих в штаны наложить. Я с ним во многих вылазках был и столько акремонцев мы с ним положили, что не счесть, – усмехаясь себе в усы, перебил рассказ Димы Альбо.

– А в тот раз – испугался, а я нет. Стою и думаю, что надо тварь подпустить поближе. Смотрю, а она все ближе и ближе, и от дерева к дереву. Я стою: «Не брат, подойди-ка ты поближе». У меня в руках был только автомат и нож за поясом. Пока Генрих стоял и думал что делать – я подпустил тварь почти к самой вышке и дал в нее кучу пуль... А ей хоть бы что. Тогда я схватил нож и кинул в нее. Клинок твари прямо в глаз... И она с ним так и убежала... Вот теперь без ножа хожу.

– Странно, – усомнился Альбо. – А мне Генрих рассказывал, что ты с перепугу весь боезапас в ежа выпустил, а потом стоял и ножом ногти чистил, а когда Генрих вернулся с обхода, ты от неожиданности нож в кусты уронил, а потом его найти так и не смог.

– Не так все было... Придумывает твой Генрих, – начал пучить глаза Дима.

– Ну, может и не так, – дипломатично согласился Альбо, зная, что сейчас Дима в процессе убеждения заплюет всех слюной. – А сейчас надо помолчать. Приближаемся к вышке.

Действительно. Впереди высилась пятнадцатиметровая каменная башня. Уже было почти темно, но ее силуэт отчетливо просматривался на фоне массива кустарников.

– Кто? – раздался окрик из кустов.

– Ехали медведи на велосипеде, – ответил Альбо, условленным на эти сутки, паролем.

Пароли были всегда длинными, что бы можно было определить – человек отвечает тебе или, через переговорное устройство, лицеклювый.

Однажды, был случай, когда отряд акремонцев захватил вышку, из-за чего не был подан сигнал тревоги. В результате, нападавшие, под покровом ночи увели на свою территорию отару овец. О том, что акремонцы их обманули, ответив условленным паролем на человеческом языке, успел поведать перед смертью один из разведчиков. С тех пор, пароль составлял, как минимум одно предложение... Чем больше слов, тем больше шансов отличить человеческий голос от звуков переговорных устройств лицеклювых.

Суть сторожевых вышек заключалась в том, что они являлись первым рубежом защиты на подступах к нагорью.

Город располагался в полукольце горного массива, по периметру которого, были установлены импульсные противовоздушные пушки и крупнокалиберные пулеметы старого образца. Сторожевых постов там было не много, так как нападения со стороны гор не опасались – акремонцы никогда не пытались взбираться на них. Именно благодаря этому, во время их массивной атаки, когда погибла мать Юры, защитники города смогли сгруппироваться возле резервного выхода из бункера, расположенного на высоте пятисот метров от земли, и обрушить шквал автоматного огня на их головы.

Начав заниматься медициной, Юра, после неоднократных исследований трупов акремонцев, пришел к выводу, что хоть у лицеклювых и было два сердца, но легочный пузырь был один-единственный и не большой, что не позволяло им дышать разреженным на высоте воздухом. Нехватка кислорода в организме синих пришельцев, видимо, была для них фатальна.

Но, если со стороны склонов гор они атаковать не могли, то иногда это успешно делали со стороны лесного массива.

При разработке дополнительных мер безопасности, равнину, в радиусе двух километров, очистили от высокой растительности. На освободившемся пространстве разбили плантации с овощами и зерновыми культурами. За ними шла сплошная лесополоса шириной в километр, служившей естественной защитой против выветривания почвы, а также безопасным полигоном для сбора ягод и грибов. Со временем там оборудовали загоны для глухарей и рябчиков, мясо которых прекрасно заменяло жителям города курятину.

За лесополосой, на расстоянии километра друг от друга, располагались сторожевые вышки. Всего их было одиннадцать. Что бы, не мешать обзору, на протяжении километра перед ними растительность тоже выкосили. В результате с высоты пятнадцати метров все прекрасно просматривалось, как днем, так и ночью. Если днем использовали обычные бинокли, то ночью пользовались приборами ночного видения, которые хоть и давали нечеткую картинку, но все-таки отдельные детали рассмотреть было возможно.

Армейских тактических радиостанций в запасниках бункера оказалось немного, к тому же аккумуляторные батареи почти не держали заряд, поэтому связь между сторожевыми вышками поддерживали при помощи световых сигналов в определенные промежутки времени, используя сигнальные фонари из технического комплекта танков. Если в установленное время сигнал с какой-либо вышки не подавался – следовательно произошло нападение и пост уничтожен. Тогда в городе подавался сигнал тревоги и к вышке выдвигался, вооруженный с головы до ног, специальный отряд, собранный из лучших бойцов города.

В лесополосе питомника посменно дежурили от десяти до пятнадцати отрядов по пять человек в каждом, задачей которых было принять первыми бой и сдержать нападающих до прибытия специального отряда.

Затем, уже на подступах к городу, среди огородов стояли танки, которые, в случае прорыва, открывали шквалистый огонь, сметающий на своем пути, все живое и не живое.

– Альбо, это ты? – спросил из кустов голос.

– Да, дружище Салават, это я, – ответил тот.

– Все. Смена, – крикнул вверх Салават – пятидесятилетний бородатый крепыш, и вывалился из кустов.

Откинулся металлический люк и из башни вышли двое шестнадцатилетних парней.

– Как тут? – спросил Альбо.

– Тишина. И не слышно никого было и не видно. Нормально отстояли. Принимай смену. Фонарь работает исправно, еды вам никакой не оставили. Все мы пошли. Удачи... Кто тебя меняет утром? – напоследок спросил Салават.

– Карлос, с какой-то девчонкой из пополнения.

– Везет ему, – вздохнул Салават и двинулся с напарниками в кусты по направлению к городу.

Однако через секунду он вернулся и шепотом на ухо Альбо сказал: – Ты, смотри осторожней с этим парнишей, – показал глазами на Диму Альбо. – А то две недели назад я его менял... Он тогда был с Генрихом на седьмой вышке. Так этот деятель вместо того, что бы сходить ночью в отхожее место в кусты, прямо возле вышки все позагаживал. На всю смену хватило о нем воспоминаний – нюхали и матерились.

Альбо тихо засмеялся и ответил:

– Хорошими бойцами не рождаются – ими становятся. Ничего, придет время, пообстреляется и будет лучшим.

– Ну, ну, – скептически хмыкнул Салават и скрылся в кустах.

Первым в люк башни забрался Дима и, поднявшись на верхнюю площадку, схватил прибор ночного видения. За ним последовал Юра, а последним, закрыв изнутри дверь на засов, поднялся Альбо.

– Без пятнадцати девять, – посмотрев на свои наручные часы, констатировал он. – У нас еще двенадцать часов впереди... Ох... Что-то у меня плохое предчувствие... Смотрите в оба.

– Да, ладно... Нормально все будет, – небрежно протянул Дима, с завистью рассматривая наручные часы Альбо.

Помимо огромного запаса вооружения, обмундирования, продуктов питания и генераторов на складах бункера нашли несколько десятков механических часов и значков. Было решено, что часы будут только у членов Совета города и лучших воинов, которым давали их за боевые заслуги. Поначалу значки тоже вручали за смелость, но они никем не ценились и, со временем, их перестали использовать в качестве награды. А вот часы, самозаводящиеся несколько взмахами руки, были мечтой любого новобранца.

IV

Время, как это обычно бывает в дозоре, тягуче медленно начало свой отсчет...

В прибор ночного видения смотрели по очереди по полчаса каждый. Пока один смотрел в прибор, остальные наблюдатели должны были использовать только свое зрение и слух.

Дождь наконец-то утихомирился, и звенящая тишина опустилась на разделительную полосу между вышками и лесом, где проходила нейтральная полоса между территориями людей и акремонцев. Лишь изредка тишину нарушали крики каких-то ночных животных, доносившиеся откуда-то из густых зарослей непроглядной чащи.

Альбо уже два раза сигнализировал фонарем условленным кодом в установленное время и один раз выходил из башни, что бы пройтись по кустам, прилежавшим к вышке, со стороны питомника. Дима пытался что-то рассказывать о том, какой он отличный стрелок, но Альбо грубо оборвал все его начинания.

Небо было затянуто густой черной пеленой, и рассмотреть что-либо, даже в прибор ночного видения, было проблематично.

Отсмотрев в прибор первые полчаса и Юрка поначалу рассматривал окрестности. Потом, по силуэтам, маячившим на соседних вышках, пытался определить кто из его одноклассников стоит там на посту, а затем начал разглядывать засечки, оставленные серпами акремонцев, которые в скоротечных боях пытались серпами разрушить укрепление.

Их попытки всегда заканчивались неудачно. Для того что бы серп нанес какой-то серьезный урон необходимо было подойти минимум на двадцать метров, а это удавалось им очень редко. Импульсы серпа, посланные с большого расстояния, просто рассеивались и, в лучшем случае, оставляли небольшие засечки на каменных стенах вышек.

Неожиданно, со стороны нейтральной полосы, в чаще послышалось какое-то движение...

Альбо забрал прибор ночного видения из рук Димы, который в это время смотрел не в сторону контролируемого пространства, а в сторону соседней вышки, потому что ему показалось, что там дежурит какая-то девушка, и стал всматриваться в сторону леса.

– Так, ребята. Спускайтесь вниз и занимайте позиции в траве слева и справа в двадцати метрах от вышки. Если акремонцы попрут на прорыв, стреляйте одиночными выстрелами. Если смогут близко подойти к вышке, тогда начинаете бить очередями, – отдал приказ Альбо.

– Так, там же все мокрое внизу, – таращась испуганными глазами, возразил Дима.

– Лучше быть мокрым, чем мертвым, – ответил Альбо. – Серп я дам тебе, Юра, но пользуйся им только в ближнем бою.

– Я помню, – ответил тот.

Его охватил легкий озноб, а колени предательски задрожали.

– Почему ему серп? – возмутился Дима. – Я что, хуже его?

– Возьми ты, только давай быстрее выдвигайся на позицию! – рассердился Альбо.

– А гранату? – заикнулся Дима.

– Быстро по местам, – рявкнул Альбо.

Спустившись вниз, Юра открыл двери и, пригнувшись, двинулся вправо от вышки. Упав в траву, он услышал за собой чье-то сопение. Обернувшись назад, он увидел возле себя Диму. Тот, с трясущимися от страха губами, испуганно пучеглазил в сторону леса.

– Дима, беги быстрее на свою позицию, – прошептал ему Юрка.

– Ага, – ответил тот, но остался лежать рядышком.

– Дима, ты что?

– Ничего, – сдавленным голосом ответил Гошкевич и, нехотя, пополз в противоположную сторону.

Около двадцати минут прошло в томительном ожидании и когда уже казалось, что все обошлось и тревога была ложной, с вышки донесся голос Альбо:

– Внимание... Приготовиться. Противник движется в нашу сторону. Стрелять по моей команде.

Время замерло...

Сначала послышался шум валяющихся деревьев. Треск стоял такой, как будто оттуда двигался танк и подминал под себя деревья. Потом донеслись отголоски акремонского щебетания, что сразу показалось Юре очень странным – обычно лицеклювы пытались подобраться незаметными. В этот раз они чирикали на своем так громко, что было слышно на километровом расстоянии. Решив, что это какой-то тактический ход, Юрка сильнее вжался в землю и приготовился к стрельбе, положив палец на спусковой крючок. Звук ломающихся деревьев усиливался и, казалось, что какой-то неведомый дровосек валит деревья налево и направо...

Впереди показался размытый силуэт, который приближался к Юркиной позиции...

Покрывшись легкой испариной, Юра совместил мушку и прицельную планку автомата так, как его учили на стрельбище, и навел на силуэт...

До этого, в живых созданий он ни разу не стрелял...

В это время Альбо крикнул:

– Не стрелять. Этого пропустить. Бейте тех, которые за ним, – и осветил лучом фонаря, стремительно приближавшийся силуэт.

Яркий луч выхватил из темноты фигуру невысокого тощего акремонца, который, путаясь в высокой траве, бежал с поднятыми кверху руками и что-то кричал

– Герадамасы... Помогите... Помогите... – бесстрастным голосом вещало его переговорное устройство.

Юрка удивился не тому, что лицеклювый просил помощи у людей, а тому, что у него было шесть рук...

Послышались звуки выстрелов серпов. Возле бегущего акремонца, один за одним стали вздыматься вывернутые ультразвуком пласты земли. Тут-то Юра и увидел за спиной странного акремонца огромную толпу его соплеменников, которые, рассыпавшись по полю цепью, преследовали его и безостановочно стреляли, направляя серпы в сторону шестирука.

– Огонь, – крикнул Альбо.

Пустив в небо сигнальную ракету, он первым открыл стрельбу по акремонцам...

Прижав сильнее к плечу приклад, Юрка выхватил в прицел ближайшего за спиной шестирука акремонца, и выстрелил...

Привычный толчок в плечо, словно освободил его от страха. Волнение прошло, и Юра стал посылать в сторону нападавших одну пулю за другой...

Яростный клекот акремонцев возвестил о том, что пули достигают свои цели. Юрка не без удовольствия наблюдал, как фигурки, на которые он направлял дуло автомата, нелепо кувыряясь, падают в траву. Про себя он успел отметить, что слышит почему-то только выстрелы двух автоматов, но рассуждать над этим вопросом было некогда...

Худенький акремонец уже почти добежал до позиции Юрки и тот приготовился, в случае необходимости, если это была всего лишь уловка, застрелить его, но в это время автомат сухо щелкнул...

Первая цепь преследователей была выкошена, но сразу же за ней шла вторая, которой до вышки оставалось всего лишь около пятидесяти метров...

Сменив магазин, и про себя отметив, что у него остался только нож, Юра навел автомат на приближающиеся тени...

Два перекрестных луча фонарей с соседних вышек высветили поле боя, и теперь Юра рассмотрел третью цепь нападавших...

Наконец-то, ущербный лицеклювый, добежал до Юрки и упал, где-то у него за спиной, в траву...

Юра считал выстрелы и старательно выцеливал, все ближе и ближе, приближающиеся фигуры.

– Эх, жалко серпа нет, – подумал Юрка и приготовился отбиваться от акремонцев ножом...

Сначала Юра увидел, как акремонцы валяются один за другим, и только потом услышал автоматные очереди, трещащие у него за спиной. Обернувшись, он увидел, что это подтянулось подкрепление. Пятнадцать бойцов, рассыпавшись веером по полю, вели огонь очередями...

Через две минуты ссельба стихла...

Юра был словно во сне... Он видел встревоженные лица своих товарищей, видел, как подъехал вездеход группы специального реагирования, как те, разбившись по парам, двинулись осматривать поле боя, а он просто лежал и сам себе улыбался...

Подувший ветер, разогнал тучи в разные стороны. Лунный свет осветил несколько сотен мертвых тел, оставшихся лежать в нелепых позах на поле боя. Бойцы специального реагирования ходили между тел и ножами добивали раненых акремонцев, собирая трофейные серпы.

Юрка начал потихоньку приходить в себя. В это время, в свете фар вездехода Юра увидел, что два бойца волокут из кустов акремонца, из-за которого и начался весь переполох.

Вдруг, откуда не возьмись, появился Гошкевич. Он подбежал к лежащему на земле акремонцу, и принялся наносить ему удары ногами по всему телу.

– Не трогай его, – крикнул ему Юра.

Но тот с остервенением продолжал избивать синего беднягу, пока желтая кровь не окрасила ботинки Димы.

– Успокойся, – крикнул Диме один из ветеранов-разведчиков и оттолкнул его от акремонца, распластавшегося на земле бесформенным тюком, раскинув в разные стороны руки.

– А где, ты, был? – спросил у Димы, спустившийся с вышки Альбо.

– Как где? Вон... Штук сорок положил, – вытаращил глаза Дима и показал рукой в сторону боя.

Альбо резким движением выхватил у него из рук автомат и отсоединил магазин... Тот был полон патронов.

– Покажи запасной магазин, – тихим голосом приказал командир разведчиков по имени Василий.

– Я... Я... Его потерял, когда все патроны выстрелял... Надо... Его поискать в траве, – заикаясь, пролепетал Дима.

Не сговариваясь, двое бойцов из подкрепления, схватили его за руки, а Василий, похлопал по карманам Диминой куртки, извлек оттуда запасной рожок...

Тот был полным...

– Вездеход его, – сухо отдал приказ разведчик. – А что ты за птица, раз за тобой отправили такую армию? – присев на корточки, возле неподвижного акремонца, сам у себя спросил он.

– Я думаю, что вряд ли у нас получится, это узнать, – сказал Альбо. – Гошкевич разбил его переговорное устройство.

– Это паскудство киньте к той падле, и всех в город. Там разберемся, – распорядился Василий.

Акремонца затащили в салон вездехода и, в сопровождении трех бойцов, вместе со связанным Димой, машина направилась к бункеру.

– Что теперь с ним будет? – спросил у Василия Юра.

– С синим или с трусом? – уточнил разведчик.

– И с тем, и с тем.

– Труса под суд, а синего, наверное, попробуем допросить, а там видно будет...

Из питомника подтянулись остальные отряды патрулирования и, растянувшись на всем расстоянии между вышек, бойцы залегли в засады, на случай повторной атаки акремонцев.

Остаток ночи прошел спокойно...

Когда рассвело, Юра рассмотрел, что земля возле его позиции словно вспахана.

– Так, ты везунчик, – рассмотрев при свете утреннего солнца поле боя, сказал ему Василий. – Просто удивительно, как тебя тут не подравняло?

Икин и сам прекрасно осознавал, что ему очень повезло.

К девяти утра пришла усиленная смена и привела с собой хозяйственную команду, которая занялась утилизацией трупов акремонцев. Их собрали в одну кучу, облили бензином и подожгли. Конца процедуры Юра не дождался. Он забрался в кузов вездехода и сразу уснул.

Через полчаса его растормошил водитель вездехода, и он отправился спать в свою комнату, где, не раздеваясь, упал на жесткую деревянную койку и забылся тревожным сном...

Глава3

I

Юра проснулся от чувства голода. Комнату он делил с Давидом, но того рядом не было. Понять сколько времени, в бункере было возможно только в случае, если у тебя были наручные часы или идти в общий зал, считавшийся в городе центральной площадью, где висели большие круглые часы. Немного поколебавшись, Юрка решил пойти в общий зал, а оттуда зайти на кухню и что-нибудь перекусить.

В коридорах города никого не было. Приблизившись к площади, Юра услышал гул сотен голосов. Там проходило собрание Совета. Глянув на циферблат, Юрка понял, что он проспал больше двенадцати часов, однако отдохнувшим он себя не чувствовал – во сне вернулся голос,

про который он начал уже забывать, и тот настойчиво ему что-то шептал, но что именно, он так не понял.

Недалеко от него в толпе стоял дед Миша и горестно кивал головой. Юра подошел к нему и спросил:

– Дед Миша, что случилось? Почему собрание так поздно?

– Плохо дело Юрка... Беда пришла к нам.

– О чем вы говорите?

– Пока ты спал, опять была попытка прорыва. Толпы лицеклювых пошли на нас сразу с двух направлений через вторую и девятую заставу. На второй заставе их остановили, но на девятой они прошли, уничтожив в питомнике бойцов из отрядов заграждения. Пока группа реагирования двигалась ко второй вышке, отряд акремонцев вышел со стороны девятой. Хорошо, что сигнал тревоги подали вовремя и экипажи танков были готовы к бою. Как дали им из пушек, так только ошметки их вместо удобрения сейчас на полях валяются.

– А в чем беда такая большая?

– А то, что такого раньше с момента нападения на город не было... Пошли днем и организованными отрядами. Видимо, у них появился какой-то командир. А поперли они, скорее всего, для того, что бы отбить то паскудство шестирукое, что ты с Альбо ночью спас.

– Неужели из-за него? – задумчиво произнес Юрка. – А сколько наших погибло?

– Двадцать бойцов, как не бывало.

– Если они хотят его отбить, значит, он для них очень ценен, но, скорее всего, они хотят его убить. Я же был там и видел, как его гнали соплеменники.

– Это пусть Совет решает, но... не это самое страшное, – горестно вздохнул дед Миша.

– А что же?

– Дима Гошкевич – змея подколодная...

– Что? – предчувствуя худую весть, требовательно переспросил Юрка.

– А то... Гнида эта – Лао зарезал. Столько человек прошел по жизни... И так чудом живой остался, а тут собственный боец зарезал как барана.

– Как?

– А вот так... Сидел тот в карцере, а Лао ему обед понес... Перед судом пошли в карцер, а там – в луже крови Лао лежит, а в шее сзади нож Гошкевича нож, и самого его нигде нет... Убил и побег, как пес шелудивый. Говорил я – будьте осторожны с этим пустобрехом. Таких друзей, за одно место и в музей. Из него такой же разведчик, как из говна пуля, а вот видишь... и такая пуля убить может...

Дед Миша, что-то еще бормотал, но Юра его уже не слышал. Он шел сквозь толпу и вспоминал слова Димы о том, как тот потерял нож на дежурстве, кинув его непонятно в кого. А выходит – нож его был всегда при себе. Что бы человек убил человека – такого в городе еще не было.

Пробившись ближе к центру, Юра стал различать речи членов Совета более явственно:

– Синее чудовище надо убить и выкинуть труп на нейтральную полосу, – высказал свое мнение Хо Чан.

– Послушайте еще раз, – горячился Никита Сергеевич: – этот лицеклювый необычный и может не зря акремонцы, не считаясь с жертвами, пошли на нас в атаку? Может этот шестирукий наш козырь, который мы можем использовать против них?

– Какой такой козырь? – вступил в полемику индеец Акарш Алуру. – Мы даже допросить его не можем. Переговорник сломан, а трофейные не хотят функционировать. Не понятно, за что мы кормим наших техников?

– Может попытаться у них узнать зачем он им нужен и попробовать поторговаться? – вступил в разговор Рауль Гальярдо – представитель латиносов города.

– Хочу вам напомнить, что в прошлый раз, когда по вашему предложению договориться по поводу расширения охотничьих угодий, мы отправили переговорщиков на нейтральную территорию – никто не вернулся. Не думаю, что в этот раз что-то получится, – ответил на предложение Рауля Абидеми Эбале – коренной африканец.

– Не забывайте, что у нас заканчиваются запасы горючего и скоро нам придется частично заселять равнину, а значит усиливать охрану. Боеприпасов к стрелковому оружию еще хватает, но рано или поздно они закончатся. Водородных элементов для танков все меньше и меньше. Их боезапас тоже ограничен. Все бывшие населенные пункты в округе, доступные для дальности хода вездехода, мы уже исследовали, – активно жестикулировал здоровой рукой и обрубком Никита Сергеевич. – Акремонцы, в отличие от нас, плодятся намного быстрее, чем мы. В последнем бою у них был один молодец, однако их силы превосходят нас по количеству. К тому же они стали организованными, что совсем не в нашу пользу. Как бы нам не пришлось в скором времени уходить с насиженного места на юг через их территории и тогда этот шестирук может послужить нам проходным билетом... Я предлагаю подождать и посмотреть, что будет дальше.

– Совет удаляется для принятия решения, – объявил Хо Чан и все члены Совета направились в совещательную комнату.

Юра хотел у кого-нибудь расспросить, что происходило в начале и, оглядевшись по сторонам, только сейчас рассмотрел, что в основном присутствовали на собрании женщины, слепые и дети. Мужчин было не больше ста человек.

Ближе всех к нему стояла Камила и что-то громко говорила на своем родном языке прямо в лицо Джессике, агрессивно потрясая полными руками в воздухе.

– Извините, а что обсуждали в самом начале? – обратился к женщинам Юра.

К нему обернулась Камила, и Юрка сразу же пожалел, что задал его именно ей...

Негритянка была пьяна в стельку. Запах ее оригинального самогона резанул Юрке не только легкие, но и глаза.

– Это ты во всем виноват! – закричала Камила. – Это привел сюда эту синюю тварь! Если мой Дастин не вернется из дозора, то я задушу и тебя и твою синюю зверушку одновременно! – все больше распаляясь, кричала она.

Юра счел благоразумным ретироваться от Камилы подальше, потому что знал, что в таком состоянии она очень агрессивная. Однажды он наблюдал, как с ней не могли справиться несколько воинов, когда та впала в ярость из-за того, что Дастин, по ее мнению, не очень радовался рождению очередной дочери. Поэтому Юра пригнулся и затесался в толпу слепых.

В это время на площадь из совещательной комнаты вышли члены Совета. Рауль Гальярдо попросил тишины и зачитал решение Совета, записанное карандашом на оборотной стороне, выцветшего от времени листа календаря:

– Совет постановил: первое – признать Гошкевича Дмитрия Франсовича изменником своего народа и избрать заочно в отношении него меру наказания в виде лишения жизни через повешение. Второе – акремонца, захваченного в плен, временно оставить в живых, до выяснения обстоятельств его бегства. Третье – на время выяснения этих обстоятельств объявить в городе чрезвычайное положение и усилить оборону города отрядами из числа женского резерва. Четвертое – довести постановление до всех жителей города.

– А слепые что? Пускай тоже помогают, а то жрут только, – заплетающимся языком, зычно высказалась Камила.

– И пятое, – спохватился Рауль: – на время чрезвычайного положения употребление, а также изготовление спиртного запрещено. Он достал карандаш и, присев на колено, дописал последний пункт...

По толпе прошел легкий гул, но возразить никто не посмел. Люди начали расходиться, и Юра уже хотел довести слепых до их спален, но его окликнул Никита Сергеевич:

– Икин, иди в лазарет, помоги Вазгену Ашотовичу.

А приблизившись к нему немного ближе, почти шепотом, добавил:

– И, пожалуйста, Юра, присмотри за своим синим трофеем. Боюсь, как бы не шлепнули его мои оппоненты... Я думаю, он нам еще пригодится.

Передав слепых детям, Юра напрямик двинулся в лазарет.

II

– Иди и подготовь к захоронению тела погибших, а я пока разберусь здесь, – недовольно буркнул Вазген Ашотович, как только Юрка вошел в помещение, где лежало четверо раненных бойцов.

– Может этим займутся люди из хозяйственной команды? – попробовал возразить он. – А я вам помогу.

– Мне поможет Фируз, а там осталось только два тела с девятой вышки. Их собрать не успели. Хозяйственники сейчас акремонцев жгут на склонах, что бы их собратья видели и не сунулись к нам больше.

– А где Давид?

– В усилении он. Тем более не надо ему этих мертвецов видеть.

– Почему?

– Да потому, – рассвирепел Вазген Ашотович: – что если бы те двое не занимались тем, чем не надо, то прорыва бы не было...

Больше вопросов Юра не задавал, а направился в самый глубокий ярус города туда, где располагался морг.

Мертвых в землю не закапывали, так как экономили посевную площадь, и не сжигали, что бы враги по дыму костров не знали о потерях среди населения. Трупы умерших оставляли в специальном склепе, высеченном в горной породе, располагавшемся на одном уровне с противоздушными пушками.

Включив в морге свет, Юра увидел восемнадцать тюков с телами. На столе под лампой лежали куски человеческих тел. Приблизившись, он всмотрелся в них повнимательней...

Это были обнаженные части тел мужчины и женщины. Теперь Юра понял, что имел в виду Вазген Ашотович. Женские останки принадлежали Мелисе – фаворитке Давида, а мужские когда-то были парнем из недавнего пополнения разведчиков. Имени его, как Юрка ни старался, вспомнить не смог. Судя по тому, что они были обнажены и половой орган разведчика по-прежнему находился в детородном органе тела Мелисы, обрубленном серпом ниже колен и чуть выше поясицы, в момент смерти они явно были не на вышке, а, скорее всего, где-то в кустах поблизости...

Внимательно осмотрев их останки, Юра пришел к выводу, что Мелиса, после того как ее прямо во время полового акта разрубили на части, была еще некоторое время жива...

В предсмертной маске, застывшей на ее лице, читалось удивление и страх...

Разъединив друг от друга, окоченевшие части тел, Юрка положил их в тканевые мешки и подтащил к общей груде, упакованных для захоронения, трупов. Размышляя о том, как воспримет новость о гибели своей любимой женщины Давид, он поднялся в помещение лазарета, однако Вазгена Ашотовича там уже не застал.

В ординаторской сидели рабочие хозяйственной команды – таец Кьет и финн Юхани, которые были друзьями «не разлей вода» и всегда, даже к женщинам, ходили вместе.

Это была странная парочка. Невероятно высокий, для представителей своей нации, и толстый Кьет, всегда молчаливый и апатичный ко всему происходящему, являлся прямой противоположностью невысокому и худенькому Юхани, который был чрезмерно любопытен и любил поговорить на любые темы. Про Кьета дед Миша часто повторял: «Этот спокойный, как мертвый питон», а Юхани называл «трындычихой».

Когда Юра вошел, они сидели и что-то пили из металлических кружек. Лицо Кьета, как обычно, ничего не выражало, а Юхани скорчил вопросительную гримасу и спросил:

– Можно забирать?

– Да. Все готово, – ответил Юра.

– Мы бы и сами их разложили, только Кьет не захотел. Она нравилась ему. Он очень переживает по поводу ее смерти, – решил необходимым сообщить Юхани.

Юра с сомнением посмотрел на бесстрастное лицо Кьета и у него спросил:

– Кьет, это правда?

– Конечно, правда, – как обычно бывало, за Кьета ответил финн. – Она часто к нам в комнату приходила... Хотя, она много к кому ходила...

К своему удивлению Юра заметил в карих глазах Кьета, что-то похожее на слезы, но тот отвернулся и сдавленно спросил у Юры:

– Хочешь чая?

– Нет, нет. Спасибо. Я пойду к раненым, проверю как они, – поспешил отказаться Юра и устремился к выходу.

Желания пить чай Кьета у него не было... Как говорил дед Миша: «У Кьета, все что ползает – то еда, а то, что растет – то и чай». И сейчас, судя по запаху, напоминающему смесь мочи и гниющего мха, Кьет, скорее всего, заварил плесень.

– Как хочешь, – сказал Юхани: – этот чай очень полезен для здоровья. Ты же доктор... Ты должен понимать это... Кстати, Ашот Вазгенович, просил тебе передать, что бы ты сходил в карцер и осмотрел пленного лицеклювого.

– Что он еще говорил? – спросил Юра.

– Да ничего. Только очень злился, что теперь сухой закон, – ответил Юхани и отвернулся к Кьету, который с безразличным видом уже что-то лениво жевал. Присмотревшись, Юра увидел, что тот методично выгребает из кармана камуфляжа куколки гусениц и отправляет их в рот.

Испытав легкий приступ отвращения, он вышел из ординаторской и поспешил к пленному шестируку.

III

Карцеров было четыре – по числу подземных этажей города. На каждом этаже располагался один карцер.

Попасть в небольшую комнатку с массивной дверью, не пропускавшей ни единого звука снаружи, считалось среди жителей города самым страшным наказанием. Сюда попадали за воровство, пьянство, драки, нарушение правил несения службы и другие проступки, совершение которых, могло негативно сказаться на общественном порядке и обороноспособности города. Но отправляли в них, только в крайнем случае. Обычно Совет города назначал прилюдные телесные наказания – если нарушение небольшое, то несколько ударов по голому задку палкой, если посерьезней, то били уже плетью, но только по спине и по ногам, дабы избежать случайного повреждения детородных органов.

А карцер – это было посерьезней. Находясь в полной тишине и темноте, в маленькой комнатушке в течение всего лишь нескольких часов, провинившийся человек начинал сходить с ума.

Так произошло с Гашеком – одногодкой Юры. Тот очень любил сладкое, поэтому подворовывал мед у детей. В карцере он просидел двое суток не за то, что съел втихаря пару ложек меда из канистры в холодильнике, расположенном на самом нижнем этаже города, а за то, что не закрыл за собой дверь и в хранилище проникли крысы, которые загадили не только мед, но и погрызли запасы мяса. Когда открыли дверь – Гашек завыл волком и, махая руками, выбежал из бункера. Он добежал до питомника, где с ловкостью дикой кошки взобрался на верхушку самой высокой сосны и спрыгнул вниз головой...

Густой мох его не спас... Через несколько часов Гашек, от полученной политравмы, скончался...

Вспоминая Гашека, Юра приблизился к карцеру. Возле двери стоял Альбо.

– Привет везунчик, – кивнул он Юрке. – Выспался нормально?

– Не сказал бы, что очень хорошо, – ответил он.

– Меня вот поставили его охранять. Сказали: «Ты его приволок, ты его и охраняй»...

Почти никого нет. Часть отрядов осталась на местах, а часть поменяли женщинами из боевого резерва.

– Это все из-за нас?

– Может быть и так... Я думаю, что этот синий нам пригодится. И как ты ему башку не снес? Ты так прицельно бил по его друзьям, что я грешным делом подумал о том, что если он и добежит до наших позиций, то, скорее всего, уже без головы.

– Сказать честно, я и сам не знаю, как у меня так получилось... Мне надо осмотреть его.

– Я знаю. Ашот меня предупредил. Смотри, только осторожно, – на всякий случай решил он предупредить Юру.

Альбо открыл распределительный щиток и переключил тумблер. После отодвинул засов с массивной металлической двери карцера, и слегка крикнув, не без труда открыл ее. Акремонек лежал на каменном полу в луже своей крови абсолютно голый, хотя Юра прекрасно помнил, что когда его закидывали в вездеход, тот был в привычном для акремонцев облегающем костюме, отличавшимся от обычных костюмов его двуруких сородичей наличием дополнительных отверстий для лишних рук. Юрка наклонился к шестируку и дотронулся до его мышечных впадин. К своему облегчению под кожей лицеклювого он почувствовал легкие толчки крови.

Внутреннее строение органов акремонцев значительно отличалось от строения тела человека. Юра достаточно изрезал, как синих, так и человеческих тел, изучая особенности их строения организмов. Хотя акремонцы и были похожи на людей, но все-таки Юра считал, что ящерицы и птицы к ним намного ближе. Их кровь циркулировала по одному кругу, а потомство появлялось из яиц, оплодотворенных внутри самок. К тому же они были холоднокровными существами.

Первое, что необычного заметил Юра в строении пленного акремонца, не считая наличия лишних рук, это было то, что у него спереди имелся один половой орган, а не у как остальных самцов его вида, который располагался в клоаке и был парным. Второй особенностью, которую про себя отметил Юра, было то, что его синяя кожа была гладкая, как у человека, без всяких бородавочных наростов. Единственный бугорок у него был на лбу, чуть выше глаз и выделялся лиловым цветом.

– Его опять били? – спросил Юра у Альбо.

– Подозреваю, что да, – ответил тот.

– Неудивительно, что он ничего не рассказал. Как он еще живой непонятно. Его надо срочно в тепло. Он если не умрет, то может впасть в анабиоз, а как его оттуда вывести я не знаю.

– Ты врач, а не я. Но ты прекрасно знаешь, что я воин и без приказа тебе его не отдам. Иди в Совет и там все объясни.

Юра это прекрасно понимал и пререкаться с Альбо не стал. Чтобы не терять время, он сразу же пошел в основной зал бункера. Когда он приблизился к совещательной комнате, то услышал разгоряченные спором голоса членов Совета:

– Еще несколько таких атак и мы останемся только с детьми и женщинами, – услышал Юра голос Рауля Гальярдо.

– Рауль, в последние две атаки акремонцы шли с палками в руках. Это значит, что их арсеналы пусты и основная масса серпов перешла к нам, – возразил голос Никиты Сергеевича.

– Что ты скажешь, Василий? – спросил Рауль у командира разведчиков.

– Действительно... Оружия у них мало... С серпами мы последнее время видели только старых особей, а молодежь у них в основном ходит с какими-то самоделками...

– Это оружие составит конкуренцию нашим автоматам? – перебил Василия Акарш Алуру.

– Нет, – ответил тот: – но... то, что они отправили многочисленный отряд, вооруженный в основном деревянными дубинами, свидетельствует о том, что по численности они во много превосходят нас... И это была лишь разведка боем.

– Ты считаешь, что будут еще атаки? – послышался голос Хо Чана.

– Думаю, что да... Очень им нужен этот заморыш, – высказал свое мнение Василий.

– Я вам говорю. Этот синий – наш козырь. Благодаря нему мы узнали, что у них огромные силы, а оружия у них мало, – гнул свою линию Никита Сергеевич.

– Никита, не забывай про нейростимуляторные браслеты, – послышался голос Акарш Алуру. – Василий, пользуются они ими или нет?

– Вообще-то нет. Я думаю, браслетам нужна была подпитка от источника энергии, а после уничтожения кораблей – маток, по-видимому, большая часть их техники стала бесполезной.

– А как же истребитель, который все летал над нами пока мы не дали по нему из пушек? – спросил Рауль Гальярдо.

– Я думаю, что где-то есть действующий источник питания, которым пользуются архонты... Или пользовались... Что-то давно тот корабль уже не видно, – сказал разведчик.

– В любом случае сейчас стоит вопрос о том, кто кого уничтожит. Мы их или они нас. В скором времени нам надо будет либо уходить выше в горы, либо уничтожить акремонцев в их лагере... А еще у нас есть непонятные существа за рекой, которые тоже, хоть нас и не атакуют, но оптимизма никакого не внушают, – высказался Хо Чан.

– Василий, каковы наши шансы на успешный исход операции, если мы атакуем лицеклю-вых всеми силами с участием танков, – спросил у разведчика Акарш Алуру.

– Ничего я сказать не могу. Мы не знаем, сколько их и тем более не знаем, функционирует ли силовое поле лагеря. Если они могут им управлять, то наши шансы равны нулю.

– Ты же сам говорил. Что, скорее всего, их техника без источника питания уже бесполезна, – вмешался Рауль Гальярдо.

– В любом случае нужно провести разведку, – ответил Василий.

– Ты последний профессиональный военный, который остался в наших рядах. Тебе и карты в руки. Разработай план операции и подбери лучших бойцов для рейда к их лагерю. А шестирука мы пока подержим все-таки живым, – подвел итог Хо Чан. – Может Никита и прав.

Юра решил, что подслушивать членов Совета не совсем тактично и, симитировав звук шагов по коридору, постучал в двери совещательной комнаты.

Дверь распахнулась и Юра спросил:

– Разрешите войти.

– Входите, – разрешил Рауль Гальярдо. – Что ты хотел?

В комнате были только Рауль Гальярдо, Никита Сергеевич, Хо Чан, Акарш Алуру и командир разведчиков.

– Пленный акремонец после допроса в очень плохом состоянии. Думаю, что он может не выжить. Прошу вашего разрешения перевести его в палату лазарета и оказать ему необходимую медицинскую помощь.

– Василий, распорядись, что бы пленного отнесли в лазарет, – отдал приказ Хо Чан.

– Разрешите идти? – обращаясь ко всем присутствовавшим, спросил Юра.

– Подожди, – остановил его Никита Сергеевич. – Ты проводил работы по изучению анатомии акремонцев и теперь нам скажи, сколько раз в год их самки откладывают яйца.

– Точно не знаю, так как трупы беременных самок я уже два года не видел, но могу предположить, что по два-три яйца в одну кладку и несколько раз в году, – ответил Юра.

Члены совета между собой многозначительно переглянулись, однако никак эту информацию никто не прокомментировал.

– А это, что за особь у нас в карцере? – спросил у Юрки Рауль Гальярдо.

– Надеюсь ответить на ваш вопрос после того, как осматрю его.

– Все. Идите, – распорядился Никита Сергеевич. – И сделайте все, что бы этот лицеклюв выжил.

Василий молча шел вместе с Юркой по коридорам города. Юра хотел у него спросить по поводу наличия исправного переговорного устройства, но постеснялся и всю дорогу шел молча.

– Открывай, – отдал распоряжение командир разведчиков Альбо.

Без лишних слов Альбо включил свет и открыл двери. Вдвоем с Василием они подняли тело шестирука и поволокли его следом за Юрой в помещение лазарета. Юра включил свет в операционной и молча показал рукой на, освещенный мощными лампами, стол.

– Альбо, побудь у входа на всякий случай, а я сейчас пришлю тебе смену, – приказал Василий и ушел в сторону перехода между этажами.

Акремонец был по-прежнему без сознания. Ощупав тело лицеклюва, Юра пришел к выводу, что его диафрагма в виде толстой костяной пластины, сломана в двух местах. Сделав рентгеновский снимок, Юра рассмотрел, что переломы диафрагмы не оскольчатые, а есть лишь небольшие трещины. Он обработал его раны перекисью водорода, наложил на область диафрагмы тугую повязку и накрыл акремонца двумя одеялами.

Альбо, молча наблюдавший за его действиями, наконец не выдержал и сказал:

– Ты с ним как с дитем малым возишься. Выживет, так выживет, а нет, так нет.

– Надеюсь, что выживет, – вздохнул Юра. – Думаю, он пришел к нам неспроста.

В это время пришел сменщик Альбо и Юра вместе с ним, оставив акремонца на операционном столе, пошел отдыхать.

Глава 4

I

Выспаться Юре не удалось...

Мало того, что поспал всего лишь четыре часа, так и снилась в придачу всякая «дуристика», из-за которой он несколько раз просыпался.

Сначала он видел какую-то злобную сущность в человеческом обличье... Потом он бегал по каким-то переходам, спасаясь от высоких людей с невероятно белой кожей, а под утро он приснил светловолосую девушку без лица, которая, вдруг, превратилась в чудовище и попыталась его задушить, торчащими изо рта жвалами...

Задыхаясь, он открыл глаза и обнаружил, что в комнате на кровати сидит Давид. По его каменному лицу Юра догадался, что тот уже знает о гибели Мелисы.

– Ты видел ее? – вместо того что бы поздороваться спросил Давид.

– Да.

– Это правда?

– Ты про что, Давид?

– То, что она вместо того, что бы стоять на вышке, совокуплялась в кустах и из-за нее произошел прорыв?

– Я не знаю, из-за чего был прорыв, но не думаю, что она занималась тем, о чем ты говоришь, – соврал Юрка.

Лицо Давида просветлело:

– Я знал, что это не правда... Она любила меня и не могла быть с другим мужчиной... Тем более я ей предложил создать семью... Как до войны – только я и она.

– Держись, Давид, – только и смог сказать Юра и, натянув штаны, побежал в душевую.

Под струями ледяной воды он размышлял о том, как бы воспринял Давид известие о том, что к Мелисе ходят по ночам все кому не лень, если бы они действительно стали жить вместе. Потом ему в голову закралась мысль о том, что если бы Давид с ней жил, то, скорее всего, это было бы в их комнате и ему пришлось бы из элитного, по городским меркам, жилья перебираться в общую казарму к разведчикам.

Горячая вода постоянно в городе была только на кухне и в яслях. В остальное время из кранов в душевой шла вода прямо из подземного озера, расположенного на самом нижнем этаже бункера. Не хочешь ждать общей помывки, когда горячую воду раз в неделю давали в душевую – мойся холодной. Во время общей помывки мылись посменно. Сначала мужчины, а потом женщины с детьми. Это было вызвано тем, что нагреть воду в системе бункера было затруднительно. Во-первых, это занимало очень много времени, а во-вторых, пока ледяная вода в накопительном резервуаре достигнет нужной температуры, уходило много топлива. Хотя, в ледяном душе Юрка видел некоторые плюсы: во-первых – сразу просыпаешься и становишься бодрым, а во-вторых – очень быстро моешься.

Юрка, пожевав кусочек смолы пихты, почистил зубы и, снедаемый тревогой за здоровье пленного акремонца, направился в лазарет. К этому времени у входа дежурил разведчик по имени Алим.

– Привет, – поздоровался с Алимом Юра.

– Ага, – ответил тот.

– Мог бы и поздороваться.

– Чего мне здороваться? – отозвался Алим. – Мне не очень радостно охранять эту синюю тварь.

– Он очнулся? – спросил Юра.

– Откуда я знаю. Мне не интересно. Сдохло то паскудство или нет – мне без разницы. Я исполняю свои обязанности.

– Тогда, пожалуйста, отойди в сторону и не мешай мне исполнять свои, – разозлился Юрка.

Он с легкостью оттолкнул невысокого Алима и зашел в лазарет. Сначала он пошел в палату к раненым разведчикам, но те еще спали и Юра решил их не будить. Затем он направился в ординаторскую и по запаху, напоминающему разлагающегося акремонца, определил, что там, скорее всего, Кьет и Юхани пьют чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.